

DOI: <https://doi.org/10.32653/СН174938-956>

Кочкаров Умар Юсуфович
к.и.н., заведующий научным архивом
Институт археологии РАН, Москва, Россия
umar_k@mail.ru

Мамаев Рашид Хамидович
ассистент кафедры истории Древнего мира и Средних веков
Чеченский государственный университет, Грозный, Россия
borz85@list.ru

Нарожный Виталий Евгеньевич
к.и.н., свободный исследователь
vitanar21@yandex.ru

Нарожный Евгений Иванович
д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия
zai_ein@mail.ru

ПОГРЕБЕНИЕ № 121 КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА XIII–XIV вв. (ГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ)

Аннотация: Основной целью предлагаемой статьи является публикация материалов захоронения № 121 Келийского могильника XIII–XIV вв. в высокогорной Ингушетии. Сведения о нем и его погребальном инвентаре, представляемые с частичной реконструкцией, определяют и основные задачи нашего исследования. Это, по возможности, максимально полное определение этнокультурных истоков рассматриваемых предметов, а также зон влияния и степени воздействия Золотой Орды на процесс и динамику формирования материальной культуры населения высокогорья Ингушетии и комплекс его вооружения в условиях мощного воздействия на них окружающих высокогорье территорий в ходе известных событий XIII–XIV вв. Содержание статьи позволит судить о специфике воинского снаряжения горского воина-лучника, вооруженного саблей с сохранившейся на ней рукоятью из рога оленя. Привлечение синхронных аналогий позволяет полагать, что обнаруженная сабля – результат ремесленной деятельности профессиональных кузнецов и косторезов, а также мастеров по обработке кож для деревянных ножен и охотников, добывавших необходимое сырье. Вопрос о локализации подобных ремесел в горах остается открытым, а наличие прямых аналогий публикуемым предметам из арсенала воина в захоронениях кочевников Восточной Европы эпохи Золотой Орды не исключает возможности притока подобных изделий с золотоордынской равнины в высокогорье Восточного Придурьяля. Так, особую роль в подобном «посредничестве» приобретает, например, золотоордынский Татартуп, часть аланского населения округи которого еще в конце 1230-х годов укрылась в горах. Следы таких мигрантов, постепенно «растворившихся» в местной среде, хорошо документируются другими погребальными комплексами Келийского могильника.

Ключевые слова: высокогорье Ингушетии; Восточное Придурьялье; Золотая Орда; воинское снаряжение и вооружение; колчаные наборы; сложносоставной лук; сабли Келийского могильника; рукояти из рога оленя.

© Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х., Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2021
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174937-956>

Umar Yu. Kochkarov,
Cand. Sci. (History), Head of Scientific Archive
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
umar_k@mail.ru

Rashid Kh. Mamaev,
Assistant at Dep. of Ancient History and Middle Ages
Chechen State University, Grozny, Russia
borz85@list.ru

Vitaly E. Narozhny,
Cand. Sci. (History), Independent Researcher
vitanar21@yandex.ru

Evgeniy I. Narozhny,
Dr. Sci. (History), Prof. at Dep. of General History
Aliev Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia
zai_ein@mail.ru

BURIAL 121 OF THE KELI BURIAL GROUND OF THE 13TH – 14TH CENTURIES (MOUNTAINOUS INGUSHETIA)

Abstract. The paper introduces the materials of the Burial 121 of the Keli burial ground of the 13th-14th centuries of Mountainous Ingushetia. The information about the burial and its funerary goods with their partial reconstruction set the main task for our study. This include the most complete identification of the ethnocultural origins of the objects under consideration, as well as the zones of influence and the degree of influence of the Golden Horde on the process and dynamics of the formation of the material culture of the population of the highlands of Ingushetia and a range of its weapons under the powerful impact on them of the surrounding territories during the key events of the 13th-14th centuries. The content of the paper will make it possible to judge the specifics of the military equipment of the mountain warrior-archers, armed with a saber with a surviving deer-horn hilt. The use of synchronous analogies suggests that the discovered saber is the product of the craftsmanship of professional blacksmiths and bone carvers, as well as craftsmen for processing leather for wooden scabbards and hunters who obtained the necessary raw materials. The question of the localization of such crafts in the mountains remains unanswered, and the presence of direct analogies to the published items from the warrior's arsenal in the burials of the nomads of Eastern Europe during the Golden Horde era does not exclude the possibility of an influx of such items from the Golden Horde plain to the highlands of the Eastern Pridaryal territory. Thus, the Golden Horde Tatartup, a part of the Alanian population which took refuge in the mountains at the end of the 1230s, is of special attention regarding the role in such "mediation". Traces of these migrants, who gradually "dissolved" in the local environment, are well documented in other burial complexes of the Keli burial ground.

Keywords: Mountainous Ingushetia; Eastern Pridaryal; Golden Horde; military equipment; quiver set; composite bow; saber of Keli burial ground; deer-horn hilts.

Келийский могильник XIII–XIV вв. был случайно открыт в 1987 г. [1, с. 65] при трассировке подъездной автодороги, прокладываемой вдоль подножия Цей-Ламского скалистого хребта в высокогорной Ингушетии [1]¹, выведившей к будущему недавно спроектированному тоннелю, прорезавшему подошву Главного Кавказского хребта, являвшегося частью планировавшейся тогда Кавказской перевальной железной дороги (КПЖД)². Исследования, осуществленные на затронутом техникой участке могильного поля (по ширине створа автодороги), проводились двумя археологическими отрядами – отрядом сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского НИИ (под рук. д.и.н. М.Б. Мужухоева) и археологической лабораторией ЧИГУ им Л.Н. Толстого (в 1987 г. под рук. Е.И. Нарожного³; в 1988 г. под рук. д.и.н. В.Б. Виноградова и к.и.н. С.Н. Савенко) [4, с. 29–35; 5, с. 270–280]. В ходе проведения указанных охранно-спасательных археологических исследований 1987–1988 гг. на могильнике (без учета раскопок М.Б. Мужухоева, но включая разрушенные техникой погребения при трассировке дороги) было исследовано не менее 300 индивидуальных и коллективных каменных ящиков и грунтовых захоронений, а также 12 полуподземных склепов, вплотную примыкавших к границам трассировки автодороги [6, с. 49–79]. В изученных захоронениях были учтены костные останки почти 1 тыс. погребенных⁴ [7, с. 358–359], а также одно т.н. «пещерное» («скальное») захоронение [8, с. 34–36]. К сожалению, из-за обилия сопровождающего основную часть раскопанных захоронений погребального инвентаря (их публикация требует значительного объема) в научный оборот ныне введены сведения об исследованиях всего пяти полуподземных склепов [6, с. 49–79], примерно двух десятков каменных ящиков и грунтовых захоронений [9, с. 50–54; 10, с. 68–91; 11, с. 182–196; 12, с. 169–176; 13, с. 291–304; 4, с. 173–183; 14, с. 104–117 и др.].

Материалы из раскопа М.Б. Мужухоева опубликованы частично. В основном, это предметы из разрушенной части могильника [15] и одного каменного ящика с захоронением воина, сопровождавшегося саблей и уникальным шлемом, целиком изготовленным из кольчужной сетки [16, с. 177–185]. Отдельные категории вещевого материала из погребений Келийского могильника использовались при анализе евразийских импортов и влияний на население высокогорной Ингушетии XIII–XIV вв. [17], некоторой части его вооружения [18],

1 *Нарожный Е.И.* Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Назрановский район ЧИАССР) в 1987 году – Грозный – 1989 – 280 с. // Архив ИА РАН. Текст - Р-1. №13181; альбомы иллюстраций - Р-1. №№13182-13184.

2 Проект, задуманный еще в XIX в., должен был соединить более короткой железной дорогой Северный Кавказ с Закавказьем, но так и не был реализован. Ж. Верн – известный французский романист и фантаст, узнавший о проекте, вероятно, из современных ему российских и европейских СМИ того времени, использовал эти сведения уже как практически реализованную идею. В одном из своих романов он описывает действия, разворачивавшиеся в вагоне пассажирского поезда, якобы, уже функционирующего по маршруту «Владикавказ - Тбилиси» [2, с.41-42; 3, с. 173, прим. 1].

3 *Нарожный Е.И.* Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Назрановский район ЧИАССР) в 1987 году – Грозный – 1989 – 280 с. // Архив ИА РАН. Текст - Р-1. №13181; альбомы иллюстраций - Р-1. №№13182-13184.

4 Значительная часть статистических подсчетов, особенно в склеповых усыпальницах, проводилась в то время студентом Пятигорского фарминститута, ныне к.и.н. В.А. Фоменко (КБИГИ, г. Нальчик).

а также при разносторонней характеристике населения высокогорной части Ингушетии и его материальной культуры этого же времени [19].

Основной целью данной публикации является ввод в научный оборот еще одного захоронения Келийского могильника – погребения № 121, в погребальном инвентаре которого представлены лук (рис. 1, I: 18), остатки колчана с пятью черешковыми наконечниками стрел (рис. 1, I: 9–13; рис. 2: 9–13), нож (рис. 1, I: 6; рис. 2: 6; рис. 3: 2), сабля (рис. 1, I: 1; рис. 2: 1; рис. 3: 3) с хорошо сохранившейся рукоятью из рога оленя, покрытого орнаментом (рис. 1, I: 1; рис. 2: 1; рис. 3: 3).

Обычно от сабельных рукоятей сохраняются лишь металлические детали ее крепления с черенком [20, рис. 1; 11, с. 182–196; 13, с. 291–304 и др.] и небольшие фрагменты её органического покрытия (кожи, костяных, роговых или деревянных накладок на рукояти и пр.) [10, с. 68–91; 21, с. 74–84; 22, с. 383–385 и др.]. В одном из позднекочевнических захоронений, как и на некоторых образцах эпохи Раннего Средневековья, известен экземпляр с остатками кожи морского ската на рукояти [23, с. 130–133].

Роговая рукоять на артефакте из погребения № 121 дает основания для расширения наших представлений об изначальном облике известных находок этой категории длинноклинкового оружия. Однако встает вопрос о специализации ремесленников, участвовавших в изготовлении этой сабли и ей подобных образцов. В этой ситуации интересна локализация мест такого ремесленного производства – в горах региона или же на золотоордынской равнине, правители которой, как традиционно считается, так и не смогли установить свой политико-экономический диктат над горными территориями региона.

Публикуемое захоронение, согласно принятому в работах исследователей (В.И. Долбежев, Л.П. Семенов, Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, В.Б. Виноградов, М.Б. Мужухоев, С.Ц. Умаров, Х.М. Мамаев, Р.А. Даутова, Д.Ю. Чахкиев) соответствует типологическому определению таких погребальных конструкций этой территории как каменный ящик⁵ (рис. 1, I–III), устроенный из слабо и грубо подработанных сланцевых и песчаниковых плит, поставленных на ребро⁶, нижняя часть которых неглубоко впущена в материк. Кроме них, как и в других случаях, в «конструкции» были использованы и фрагменты валунов, мелкого булыжника без связующего раствора. Большая часть этих камней – осколки

5 В специальной литературе такие погребальные сооружения не только Северного Кавказа, но и Крыма нередко называют не каменными ящиками, а «плиточными захоронениями», что приводит к некоторой путанице. Но, как уже указывалось ранее [24, с. 120, прим. 1], подобная атрибуция таких погребальных конструкций не совсем приемлема. К тому же, термины «плиточные могилы», «плиточные захоронения» давно используются в археологии, но применительно к иным погребальным «конструкциям», например, для обозначения определенного типа мегалитических построек Центральной Азии с эпохи мезолита и позднее (См.: Алкин С.В., Цыбиктаров А.Д., Комиссаров С.А. Плиточные могилы // Большая Российская энциклопедия. М. 2004 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. <https://bigenc.ru/archeology/text/3145678>. (дата обращения: 26.07.2021 г.).

6 Нарожный Е.И. Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Нарановский район ЧИАССР) в 1987 году – Грозный – 1989 – 280 с. // Архив ИА РАН. Текст. Р-1. №13181; альбомы иллюстраций. Р-1. №№13182–13184. рис. 380, 1–3.

крупных валунов, свалившихся с горы Цей-Лам⁷, у подошвы которой и был устроен могильник. Сверху ящик был перекрыт такими же песчаниковыми плитами без следов специальной и дополнительной обработки, положенными плашмя поперек каменного ящика без какого-либо связующего раствора⁸. Длинной осью ящик вытянут с запада на восток (рис. 1, I–II). Длина каменного ящика – 220 см, ширина в средней части – 56 см, глубина – 28 см.

Внутри ящика находился скелет взрослого мужчины длиной 170 см, лежащего вытянуто на спине головой на запад (рис. 1, II). Скелет неполной сохранности: череп, завалившийся на нижнюю челюсть, лицевой частью ориентирован на восток; грудная клетка практически не сохранилась. Тазовые кости хорошей сохранности *in situ*. Верхние конечности вытянуты вдоль туловища. Нижние – протянуты; фаланги пальцев рук под скелетом, фаланги нижних конечностей сдвинуты к восточной части каменного ящика. Вместе с погребённым отмечен сопровождавший его погребальный инвентарь.

1. Железная сабля с роговой орнаментированной резным декором рукоятью (рис. 1, I: 1; рис. 2: 1). Перекрестие небольшое, овальное в сечении, прорезное, оканчивающееся короткими невыраженными концами, слегка наклоненными к клинку. Ниже перекрестия, поперек клинка, находилась железная накладка устья ножен (рис. 1, I: 2; рис. 2: 2; рис. 3: 3). Средняя обойма гарнитуры ножен (с вогнутыми длинными сторонами) (рис. 1, I: 3; рис. 2: 3; рис. 3: 3) располагалась примерно на середине длины клинка сабли. На окончании лезвия сабли находилась нижняя (также железная) обойма ножен сабли (рис. 1, I: 4; рис. 2: 4; рис. 3).

Сабля располагалась между правой рукой и южной стенкой ящика, рукоятью выше правого плеча, лезвием к стенке ящика. По известной классификации А.В. Евглевского, опирающегося на массовый материал из позднекочевнических захоронений, такое положение сабли в захоронении обозначено им как тип укладки сабель в позиции «рукоятью в зоне головы» погребенного [25, рис. 1, 7–9].

Общая (сохранившаяся) длина сабли – 99 см. Учитывая, что кончик острия несколько обломан, полная длина не превышала 102 см. Длина клинка (сохранившаяся) – 87 см. Длина рукояти – 12 см. Ширина клинка – 3,1 см. Сохранившаяся длина острия – 30 см. Ширина перекрестия (с концами) – 8 см. На конце рукояти из рога – железный «колпачок» (рис. 2: 1; рис. 3: 3), плотно закрывавший верхнюю плоскость роговой насадки рукояти. Он фиксировался при помощи длинного и проходящего насквозь (через «колпачок» и роговую насадку рукояти) стержня. Рукоять из рога, утолщающаяся к перекрестью,

7 Такие же крупные валуны, «вросшие» в грунт, хорошо видны на прилегающей к могильнику территории. Сам могильник, по всей видимости, был выбран между скоплениями таких камней или же предварительно расчищен от них. В нескольких случаях, вероятно, когда убрать такие камни со склона не представлялось возможным, под некоторыми камнями были устроены погребальные камеры нескольких полуподземных склепов Келийского могильника [6, с. 49–50].

8 Нарожный Е.И. Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Нарановский район ЧИАССР) в 1987 году Грозный, 1989. – 280 с. // Архив ИА РАН. Текст. Р-1. №13181; альбомы иллюстраций. Р-1. №№13182–13184. рис. 379, 1; рис. 381.

декорирована врезанным сетчатым и циркульным орнаментом (рис. 2: 1), на момент фиксации сильно растрескалась (закреплена в полевых условиях). Перекрестье (рис. 2: 1) перпендикулярно лезвию с овально-округлыми утолщениями на его концах, неподвижно насажено на специально предусмотренные «плечики» клинка. Нижняя часть рога рукояти (также с предварительно опиленным нижним краем) плотно вставлялась в верхнюю часть перекрестья, неподвижно «запирая» его.

2. Под саблей и костями погребенного (на дне ящика) были отмечены следы сильно истлевшего деревянного лука (рис. 1, I: 18); несмотря на попытки его закрепить и снять с грунта, из-за полностью истлевшего дерева сделать это не удалось. Однако по его остаткам *in situ* четко фиксировалась кибить, выпукло-овальной стороной направленная к северу. Плечи плоскоовальной (?) формы в сечении находились чуть ниже рогов лука, которые, насколько можно было судить по их остаткам, нижним краем соприкасались с плечами лука. Затем их линзовидная форма переходила в подквадратную (?), с отчетливо скругленным окончанием. Ниже верхней оконечности рогов прослеживались части окончания рогов, примерно через 2 см были видны округлые вырезы для крепления тетивы. Остатков роговых пластин-накладок на лук отмечено не было. Вероятно, лук длиной не менее 116 см; С-видно отогнутый, как и кибить, своими концами он был направлен к северу. В захоронение он был положен в «свободном», т.е. со снятой тетивой, положении, отчего его концы и были отогнуты в ту же сторону, что и кибить. К сожалению, какой-либо дополнительной информации из-за плохой сохранности больше получить не представлялось возможным. Зафиксированные остатки лука позволяют рассматривать его как сложносоставной, аналогии которому были известны по ранее уже опубликованным образцам из высокогорной Чечни и Ингушетии [26, с. 37–44], включая и соответствующие материалы гораздо лучшей сохранности из горноингушского склепового могильника «Мохде» у средневекового сел. Шуан [20, с. 375, рис. 1, 3].

3. Ниже (ближе к стопам) конца острия сабли (рис. 1, I: 8;) отмечена бронзовая пряжка с остатками крепления обломанного железного «язычка» (рис. 2: 8). Ее относительно массивный корпус подпрямоугольной формы (подпрямоугольный в сечении) со скругленными углами. Пряжка литая, размером 3,1×2,8×0,3 см. Железный «язычок» не сохранился, осталась его часть в виде петли, охватывающей корпус пряжки. Любопытно, что на одной (внутренней) стороне корпуса пряжки под углом 90° к остаткам «язычка» (рис. 2: 8) заметен слабовыпуклый выступ. Обычно такие же выступы предназначались для более надежной фиксации петли ремня, «садившейся» на него специально просверленным в ремне отверстием. При таком расположении предполагаемого ремня и перпендикулярно расположенного к нему «язычка» пряжка, скорее всего, могла являться деталью от несохранившегося кожаного (?) налучья.

4. Слева (севернее) от сабли (рис. 1 I: 6) в погребении находился железный нож подтреугольной формы в сечении (рис. 3: 2). У окончания черешка ножа

отмечен железный «колпачок» уплощенно-овальной формы (3×2,4×1,3 см), как и на рукояти сабли – от верхней части несохранившейся рукояти ножа (рис. 2: 7). Поперек ее узкой части, выходя за края «колпачка», находился железный «штырек» с округло-расплюснутыми концами, скреплявший «колпачок» и несохранившуюся (органическую) рукоять ножа. Чуть ниже места перехода клинка ножа в черешок находилась железная обойма несохранившихся ножен (рис. 2: 16; рис. 3: 2).

Насколько можно судить по отпечаткам рукояти на верхней части клинка ножа и остаткам заполнения (тлена) внутри «колпачка», несохранившаяся рукоять могла быть изготовлена из рога (и похожа на сабельную), иметь разные диаметры в своей верхней и нижней частях. Рукоять, вероятно, была цельная – из спиля от ветки рога, а не из пластин (о чем свидетельствует отсутствие заклепок на черенке). По известным аналогиям, например, из погребений могильника поселения «Железнодорожное-2»⁹, рукоять, скорее всего, была изготовлена именно из изогнутой части рога, как и на сабле (рис. 3).

5. Каменный оселок со сквозным отверстием в верхней части находился (рис. 1. I: 17) у левого крыла таза погребенного (рис. 1. I: 17), между ним и северной стенкой каменного ящика. Предмет – овально-округлой формы, высотой 13 см, шириной 4–6 см, сквозное отверстие сверлилось с двух сторон, «навстречу»; диаметр отверстия 0,3 см. Изготовлен из сланца черного цвета со следами активного использования. Однако из-за слоистой структуры камня предмет распался.

Подобные изделия – достаточно частая находка в мужских захоронениях Келийского могильника. Оселки предназначались для заточки ножей, наконечников стрел и копий, сабель и т.п.

6. Под средней частью тазовых костей («на спине») погребенного прослежены остатки берестяного колчана (рис. 1, I: 16) – две параллельные полосы дерева. Длина их тлена – по 60 см, расстояние между ними – 20 см в верхней, сохранившейся части и 27 см внизу, т.е. колчан изначально имел небольшое расширение книзу. Поверх древесного тлена и между деревянными полосками – мелкие фрагменты бересты.

В верхней части тлена находились два железных предмета – железные пластины размерами 2,7×17×0,13 см, через центр которых, перпендикулярно им, располагались округлые петли (рис. 2, I: 14–15; рис. 2: 14–15). Такие предметы, как и в публикуемом случае, в количестве от 1 до 4 экз. хорошо известны по другим погребениям Келийского могильника [10, с. 90, рис. 17, колчан; 27, с. 59, рис. 22, 3]. Несмотря на плохую сохранность истлевшего колчана в погребении № 121, его остатки позволяют уверенно сопоставлять его с берестяными колчанами точно такой же «конструкции» из погребения № 15 раскопа 2 Келийского могильника [13, с. 59, рис. 26, 3], а также и с колчанами, распространенными, например, у степных кочевников золотоордынского времени не

⁹ Пользуясь случаем, выражаем признательность И.Б. Тищенко, указавшего нам на эти, пока еще неопубликованные, находки из его раскопок.

только Северного Кавказа (погребения № 2 кургана 1 курганной группы 4 Калиновского курганного могильника в Наурском районе Чечни [26, с. 59, рис. 26, 2]), но и далеко за его пределами [28, рис. 18].

В самой нижней части остатков отмеченного выше берестяного колчана находилось пять железных черешковых наконечников стрел (рис. 1, I: 9–13; рис. 2: 9–13), острием упирившихся в дно колчана. Этот способ их расположения хорошо известен: в таких случаях в верхней части колчана заметны фрагменты т.н. пяточных частей древка стрел из дерева со следами некогда существовавшего оперения. Специалисты полагают, что таким образом предохранялось от возможных повреждений оперение стрелы; другие считают, что наряду с оперением верхняя часть стрел могла окрашиваться в разные цвета, в зависимости от функционального предназначения железного наконечника стрелы – так лучник мог оперативно вынимать необходимую стрелу (т.н. бронебойную, зажигательную и пр.).

Все пять наконечников разнотипные. Первый из них (рис. 2: 9) имеет аналогии среди находок из одного каменного ящика Паметского могильника в Джейраховском районе Ингушетии [29, с. 26, рис. 2, 10–16]. Основная масса этих захоронений Паметского некрополя, как известно, датируется Ранним Средневековьем [30]. Однако вышеуказанный каменный ящик, откуда происходит интересующая нас аналогия публикуемому наконечнику стрелы, наряду с еще тремя другими каменными ящиками, датирован «серединой XIV в.» [29, с. 19].

Второй (рис. 2: 10) имеет синхронные аналогии, в т.ч. и несколько более крупных размеров, например, из уже опубликованных материалов Келийского могильника [10, с. 85, рис. 11, 4, 6, 17–18, с. 91, рис. 16, 3 и др.], а также из «храма-святилища Ткамыж-Ерда» в Ингушетии [31, с. рис. 1, 14]. Близкие по типу наконечники стрел есть и в подкурганых кабардинских захоронениях (кург. 9) Бамутского могильника в Чечне [32, с. 225, рис. 8, 3].

Оставшиеся экземпляры (рис. 2: 11–12) также известны среди однотипных наконечников стрел не только в материалах Келийского могильника [10, с. 76, рис. 2, 26], но и в позднекочевнических захоронениях Северного Кавказа золотоордынского времени [26, с. 52, рис. 22, 18–19].

Публикуемые образцы вполне вписываются в существующую систему представлений о типологическом разнообразии данной категории метательного вооружения, ранее достаточно подробно представленного в специальных исследованиях наших предшественников [25, с. 37–66].

7. Мелкая бронзовая пуговица шаровидной формы с проволочным кольцом (рис. 1. I: 5; рис. 2: 5) находилась ниже нижней челюсти, посередине верхней части грудной клетки погребенного. Пуговица – в виде округлого, полого внутри, «шара», горизонтально спаянного из двух полусфер (место их скрепления между собой отмечено горизонтальным швом со следами тщательной полировки). Изнутри верхней части предмета выходит тонкая проволочная петля, конец которой вновь «утоплен» внутрь «шара». Диаметр «шара» – 0,7×0,6 см.

На фоне вышеперечисленных предметов погребального инвентаря необходимо вновь вернуться к сабле с роговой рукоятью. Специалисты по средневековому косторезному ремеслу неоднократно приводили археологические находки близких заготовок под рукояти, убедительно свидетельствующие о том, что такие рукояти изготавливались из рога оленя [33, с. 49–66; 34]. А.А. Душенко, к примеру, указывает на конкретные части веток рога, с которого делались необходимые спилы (рис. 3: 1) [34, рис. 14]. Хорошо изучена и технология обработки подобных изделий [33, с. 49–66]. В целом же, если следовать наблюдениям специалистов в этой области, знания косторезов позволяли им прекрасно отличать друга от друга свойства используемых материалов, определять, какими соображениями руководствоваться при выборе того или иного сырья для создания задуманного предмета. Несомненно, средневековые ремесленники, обрабатывая кости и рога, хорошо владели информацией, допускавшей минимум возможного брака при производстве и необходимое качество готового продукта. «Очевидно, – как считает А.А. Душенко, – такие знания не были результатом какой-то теоретической подготовки, а обеспечивались передачей опыта от мастера к подмастерью и личными наблюдениями. В результате мастер приобретал своеобразное «чувство» материала, что позволяло делать правильный выбор сырья для изготовления намеченного продукта» [34, с. 60–61]. Выбор для рукояти публикуемой сабли рога оленя вряд ли случаен, поскольку такой плотный рог в сравнении с костью обладает большей гибкостью и эластичностью [34, с. 62] при обработке. Структура плотного рога включает костную оболочку, заполненную губчатой структурой, хотя он, как считается, обладает и большей прочностью в продольной оси и меньшей – в поперечной. А для производства изделий были наиболее пригодны ветви рога оленя и их заостряющиеся концы [34, с. 62].

Подобные характеристики опыта и профессиональных навыков средневековых косторезов, в т.ч. и тех из них, кто был причастен к производству образцов, аналогичных публикуемой сабле, может стать своеобразной калькой системы организации таких ремесел в горной Ингушетии. Судя по данной находке, вероятно и то, что косторезы работали не в одиночку: кому-то надо было добывать сырье – рога оленей и других животных. Необходимо было использовать и профессиональные навыки мастеров, изготавливавших из специальных пород дерева деревянные ножи, которые в свою очередь, благодаря уже мастерам, обладавшим навыками выделки кож, обтягивались кожей. Таким образом, можно предполагать, что в изготовлении подобных сабель могла принимать участие небольшая группа мастеров-ремесленников различного профиля. Тогда появляются веские основания и для возможных реконструкций системы профессиональной организации горских ремесленников. Однако ныне известны близкие рукояти ножей и даже ножи из кости с сетчато-циркульным орнаментом, например, из погребений кочевнического могильника поселения «Железнодорожное-1» в Крымском районе

Краснодарского края¹⁰. Существование таких материалов можно рассматривать и как свидетельство возможного происхождения указанных предметов холодного оружия из ремесленных мастерских равнинной Золотой Орды. В принципе реальность такой постановки вопроса вполне может объяснить существующие точки зрения, связывающие ныне известные образцы сабель с территории горной Ингушетии [22, с. 383–385], Чечни [21, с. 74–84] с явным ремесленно-технологическим влиянием традиций, шедших со стороны Византии [35, s. 133–150; 36, s. 79–103; 22, с. 383–385]. А наравне с ними и с влиянием со стороны ремесленников из среды северокавказских аланов [20, с. 373–382; 11, с. 182–196; 37, с. 51–63 и др.], а также и оружейников из соседней Грузии [35, s. 133–150; 36, s. 79–103; 37, с. 51–63]. Выявление и установление степени золотоордынских «заимствований» и очевидных влияний в комплексе вооружения горцев Северо-Восточного Кавказа – свидетельство не только в пользу восприятия таких предметов как «военных трофеев» горцев. Наряду с артефактами явно военно-трофейного происхождения, важную роль играла и другая система распространения в высокогорье Ингушетии различных предметов материальной культуры золотоордынского происхождения. Главная роль в их распространении среди горцев, вероятно, отводилась, например, близкому соседству с высокогорьем Ингушетией золотоордынского города Татартупа (Дедякова). Основную массу его жителей, впрочем, как и жителей его обширной округи, в XIII–XIV вв. продолжали составлять аланы. Их сородичи, как признают многие современные специалисты, составляли заметную долю средневекового населения высокогорья Ингушетии, что наглядно демонстрируют археологические материалы Келийского могильника. Это обстоятельство играло определяющую роль в сохранении прямых или опосредованных взаимоотношений между аланами золотоордынских предгорий и аланами, оказавшимися в горной Ингушетии. В результате таких связей и отношений в горах и распространялись разнообразные артефакты, включая предметы вооружения не только золотоордынского, но и аланского происхождения.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-59-07002 МОН РЮО_а «История развития военного дела народов Кавказа в эпоху средневековья (VIII–XIV вв.): комплексное исследование предметов вооружения».

Acknowledgment. The work was supported by the RFFR Grant № 20-59-07002 МОН РЮО_а «The history of the development of military affairs of the peoples of the Caucasus in the Middle Ages (VIII-XIV centuries): a comprehensive study of weapons».

¹⁰ Пользуясь случаем, выражаем искреннюю признательность И.Б. Тищенко, любезно указавшего аналогии нашим материалам из его раскопок. См. *Тищенко И.Б.* Отчет об итогах проведения охранно-спасательных археологических работ на участке строительства станции разъезда «9-й км» Северо-Кавказской железной дороги, расположенном в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Грунтовый могильник поселения Железнодорожное-2» в Крымском районе Краснодарского края в 2012 г. – Т. – Краснодар: «Наследие Кубани», 2013 – 240 с. //Архив НАО «Наследие Кубани»: Научные отчеты (без номера).

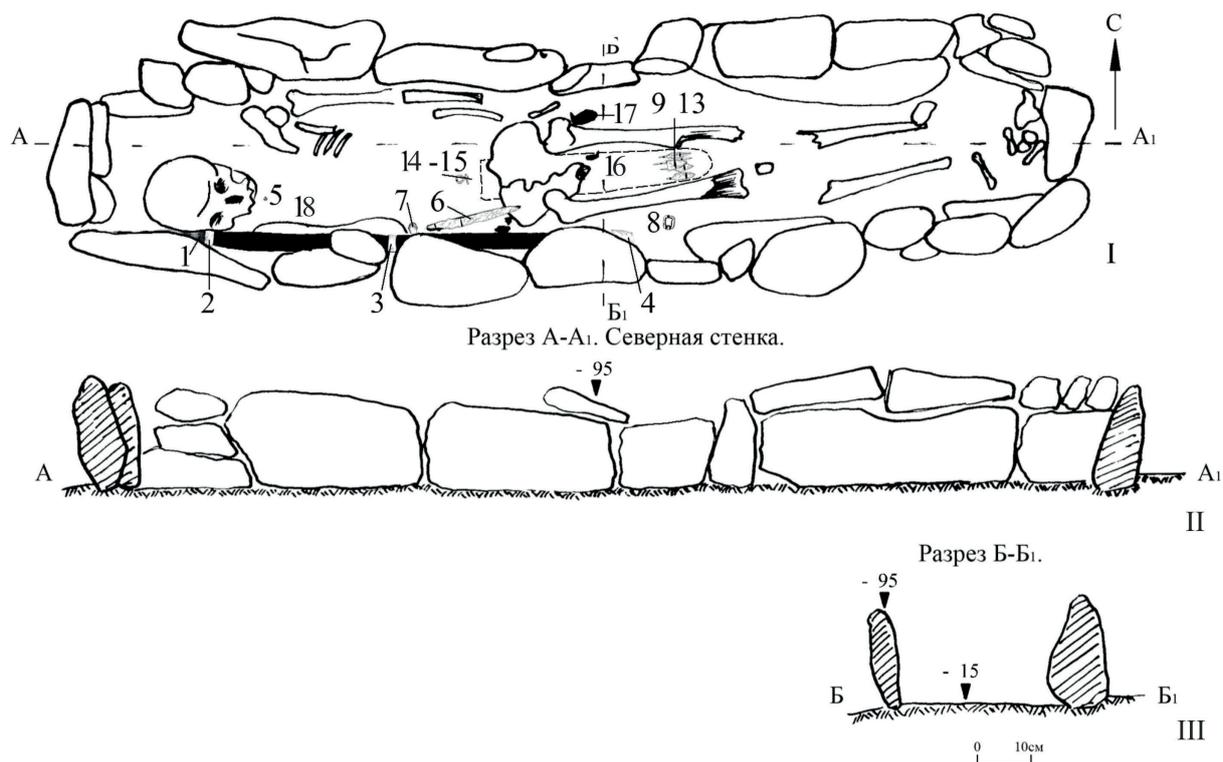

Рис.1. План погребения № 121 Келийского могильника

I – план;

II – южная стенка;

III – разрез погребения.

- 1 - сабля; 2-3 – крепления ножен сабли; 4 – наконечник ножен сабли; 5 – бронзовая пуговица
 6 – нож; 7 – железный «колпачок» рукоятки ножа; 8 – бронзовая пряжка;
 9-13 – железные наконечники стрел; 14-15-железное крепление колчана;
 16 – остатки берестяного колчана; 17 – остатки оселка из сланца; 18 – остатки лука

Figure captions

Fig. 1. The plan of the Keli burial 121

I – plan; II – south wall; III – sections of the burial

- 1 – saber; 2-3 – straps of a saber scabbard; 4 – tip of a saber scabbard; 5 – bronze button
 6 – knife; 7 – iron “cap” of a knife handle; 8 – bronze buckle; 9-13 – iron arrowheads;
 14-15 – iron quiver attachment; 16 – remains of a birch bark quiver; 17 – remains of a shale whetstone;
 18 – remains of a bow

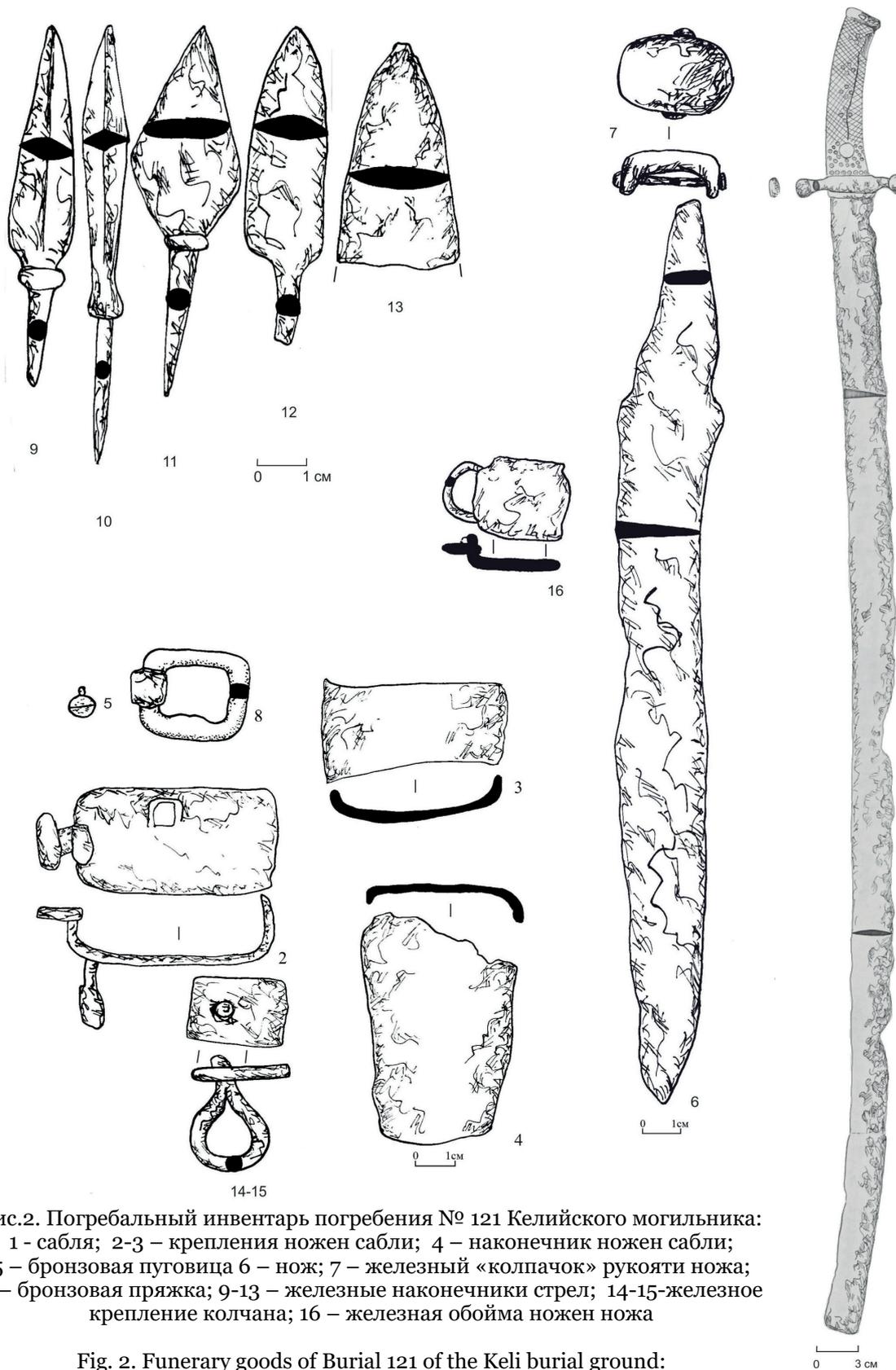

Рис.2. Погребальный инвентарь погребения № 121 Келийского могильника:
 1 - сабля; 2-3 – крепления ножен сабли; 4 – наконечник ножен сабли;
 5 – бронзовая пуговица 6 – нож; 7 – железный «колпачок» рукояти ножа;
 8 – бронзовая пряжка; 9-13 – железные наконечники стрел; 14-15-железное
 крепление колчана; 16 – железная обойма ножен ножа

Fig. 2. Funerary goods of Burial 121 of the Keli burial ground:
 1 – saber; 2-3 – straps of a saber scabbard; 4 – tip of the saber scabbard; 5 – bronze
 button 6 – knife; 7 – iron “cap” of a knife handle; 8 – bronze buckle; 9-13 – iron
 arrowheads; 14-15 – iron quiver attachment; 15 – remains of a birch bark quiver;
 16 – iron clip of the knife sheath

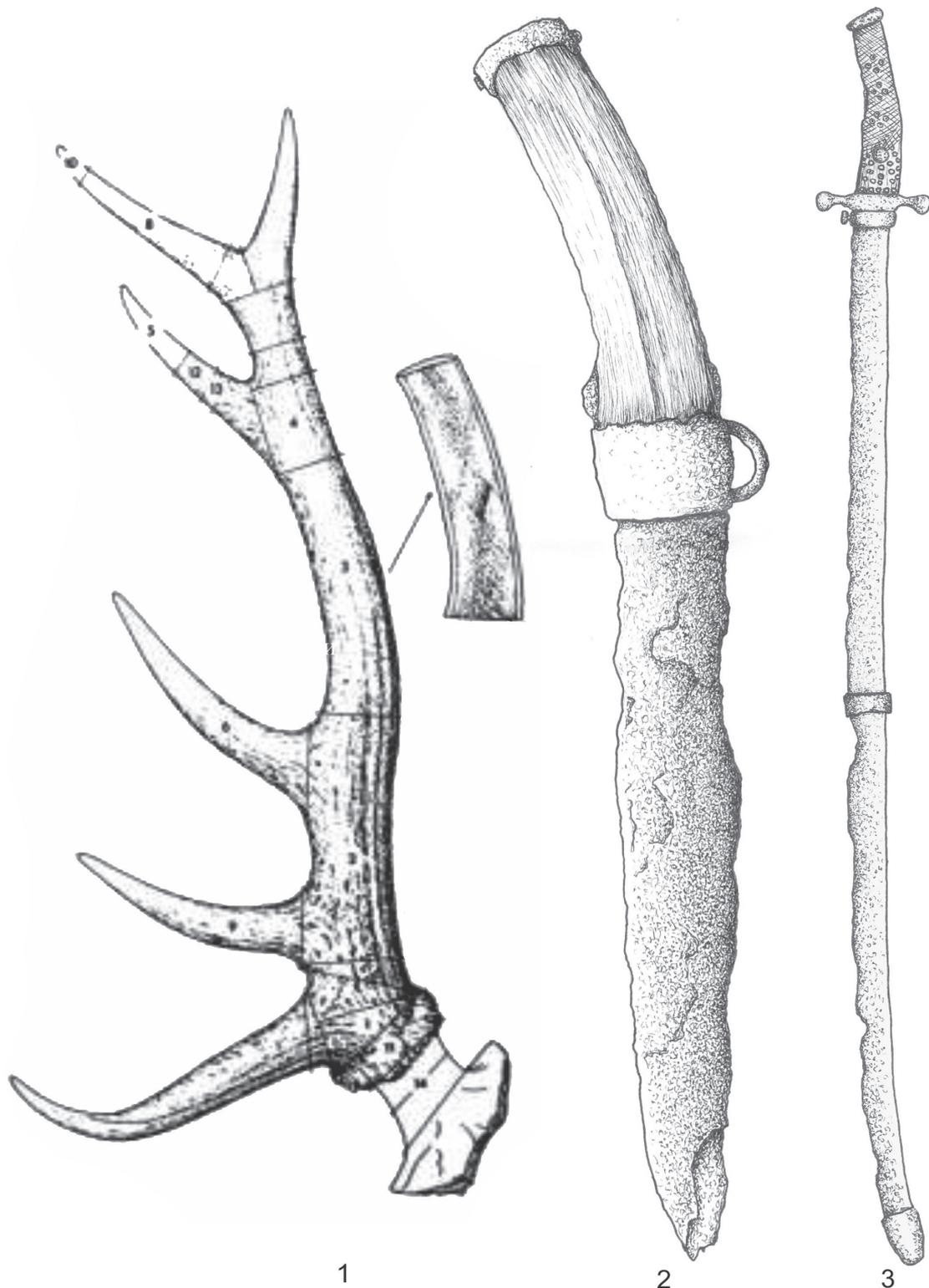

Рис.3. Реконструкция ножа и сабли и ветка рога оленя, используемого для изготовления рукоятей.
 1 - ветвь рога оленя и его часть, шедшая на изготовление роговых рукоятей как на сабле из погребения №121, так и на ноже (по: Душенко, 2016, рис.14); 2 - реконструкция ножа с роговой рукоятью; 3 - реконструкция сабли и деталей крепления ножен

Fig. 3. Reconstruction of the knife and the saber and a branch of an antler used for making handles.
 1 – a branch of an antler and its part, used for making horn handles on both the saber from Burial 121 and the knife (according to Dushenko, 2016, Fig.14); 2 – reconstruction of the knife with a horn handle; 3 – reconstruction of the saber and the

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Нарожный Е.И. Келийский могильник XIII–XIV вв. – выдающийся памятник вайнахской средневековой культуры // Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством КПЖД и организацией комплексного заповедника: Тезисы докладов – Грозный – 1989.

2. Голованова С.А., Нарожный Е.И. Жюль Верн о Кавказе // Проблемы всеобщей истории. Материалы научно-практической преподавательско-студенческой конференции. Вып. 1. Армавир, 1995. – С. 41–42.

3. Нарожный Е.И., Нарожный В.Е. Погребение № 67 Келийского могильника (горная Ингушетия) // Поволжская археология. Казань, 2015. №2. С. 173–183.

4. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Из истории археологического изучения Чечено-Ингушетии (1986-1991 гг.) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар. № 3 (41). 2011. С. 29–35.

5. Нарожный Е.И., Мамаев Р.Х. Хоздоговорная археологическая лаборатория ЧИГУ им. Л.Н. Толстого (1986–1992 гг.) // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». Грозный, Махачкала, 2018. С. 270–280.

6. Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С. 49–79.

7. Нарожный В.Е. Келийские склепы горной Ингушетии: некоторые аспекты изучения (по материалам раскопок 1987–1988 гг.) // МИА Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004. С. 358–359.

8. Нарожный Е.И. «Пещеры» Бамутского и Келийского могильников. Чечня и Ингушетия // Из практики кавказоведческих изысканий. Опыт вузовской лаборатории (1986–1996 гг.). Армавир, 1996. С. 34–36.

9. Нарожный Е.И. Два погребения с древнерусскими предметами мелкой христианской пластики с территории Келийского

1. Narozhny EI. Keli burial ground of the XIII-XIV centuries – an outstanding monument of medieval Vainakh culture. *Preservation of nature and historical monuments of Ingushetia in connection with the construction of KPZHD and the organization of the complex reserve: abstracts of reports* [Kelijskij mogil'nik XIII-XIV vv. – vydayushchijsya pamyatnik vajnahskoj srednevekovoj kul'tury. Ohrana prirody i istoricheskijh pamyatnikov Ingushetii v svyazi so stroitel'stvom KPZhD i organizaciej kompleksnogo zapovednika: Tezisy dokladov]. Grozny, 1989.

2. Golovanova SA, Narozhny EI. Jules Verne about the Caucasus. *Problems of universal history. Materials of scientific-practical faculty-student conference* [Zhyul' Vern o Kavkaze. Problemy vseobshchej istorii. Materialy nauchno-prakticheskoy prepodavatel'sko-studencheskoj konferencii]. 1; Armavir, 1995. p. 41–42.

3. Narozhny EI, Narozhny VE. Burial No. 67 of the Keli burial ground (mountainous Ingushetia) [Pogrebenie № 67 Kelijskogo mogil'nika (gornaya Ingushetiya)]. *Povolzhskaya arheologiya*. Kazan. 2015, 2: 173–183.

4. Narozhny VE, Narozhny EI. From the history of archaeological studies of the Chechen-Ingush Republic (1986-1991). *The Cultural life of the South of Russia* [Iz istorii arheologicheskogo izucheniya Checheno-Ingushetii (1986-1991 gg.)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. Krasnodar. 2011, 3(41): 29–35.

5. Narozhny EI, Mamaev RKh. Contractual archaeological laboratory of CHESU named. L.N. Tolstoy (1986-1992). *The world of the Caucasus: problems of education, language, literature, history and religion. Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Chechen State University. Grozny* [Hozdogovornaya arheologicheskaya laboratoriya ChIGU im. L.N. Tolstogo (1986-1992 gg.)]. *Kavkazskij mir: problemy obrazovaniya, yazyka, literatury, istorii i religii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu FGBOU VO «Chechenskij gosudarstvennyj universitet»*. Makhachkala, 2018. p. 270–280.

могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа. Грозный, 1991. С. 50–54.

10. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994. С. 68–91.

11. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Захоронение № 84 Келийского могильника (Высокогорная Ингушетия) // Вестник Археологического центра им. Е.И. Крупнова. Вып. 4. Назрань, 2012. С. 182–196.

12. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Случайные находки из разрушенной части Келийского могильника // Вестник Археологического центра. Вып. V. Назрань, 2015. С. 169–176.

13. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Погребение №15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // МИА Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 291–304.

14. Савенко С.Н. Погребение XIII–XIV вв. с железным крестом в горной Ингушетии: вопросы интерпретации // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2017. С. 104–117.

15. Мужухоев М.Б. Предметы традиционной материальной культуры из средневековой Кийского (Келийского) могильника в Горной Ингушетии // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1989. С. 6–15.

16. Мужухоев М.Б., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Воинское погребение №33 Келийского могильника (горная Ингушетия) // Археология евразийских степей. №5: Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Казань, 2017. С. 177–185.

17. Нарожный Е.И. Восточные и западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья (Археолого-историческое исследование). Автореф. дисс. канд. ист. наук. 07.00.06 – Археология. Воронеж, 1998. – 24 с.

18. Сальников А.В. Эволюция вооружения северокавказского воина XIII–XV веков под влиянием центральноазиатского и европейского военного дела Автореф. дисс. канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история. 07.00.06 – Археология – Ставрополь – 2008 – 24 с.

6. Narozhny EI, Mamaev KhM, Chakhkiev DYu, Dautova RA. Semi-subterranean crypts of the Keli's burial ground (on materials of the security archaeological research in 1987 in mountain Ingushetia). *Archaeological discoveries in the new construction sites of Chechen-Ingushetia [Polupodzemnye sklepy Kelijskogo mogil'nika (po materialam ohrannyh arheologicheskikh issledovaniy 1987 goda v gornoj Ingushetii). Arheologicheskie otkrytiya na novostrojках Checheno-Ingushetii]*. Grozny: 1990. p. 49–79.

7. Narozhny VE. Keli crypts of mountainous Ingushetia: some aspects of the study (according to the materials of excavations of 1987–1988) [*Kelijskie sklepy gornoj Ingushetii: nekotorye aspekty izucheniya (po materialam raskopok 1987–1988 gg.)*]. *MIA Severnogo Kavkaza*. Materials and researches of archaeology of the North Caucasus. Armavir. 2004, 4: 358–359.

8. Narozhny EI. “Caves” of the Bamut and Keliyisky burial grounds. Chechnya and Ingushetia. *From the practice of Caucasian studies. Experience University laboratory (1986–1996 years)* [*«Peshchery» Bamutskogo i Kelijskogo mogil'nikov. Chechnya i Ingushetiya. Iz praktiki kavkazovedcheskih izyskanij. Opyt vuzovskoj laboratorii (1986–1996 gg.)*]. Armavir, 1996. p. 34–36.

9. Narozhny EI. Two burials with Ancient Russian's items of small Christian plastics from the territory of the Keli burial ground. *Archaeology on the construction sites of the North Caucasus [Dva pogrebeniya s drevnerusskimi predmetami melkoj hristianskoj plastiki s territorii Kelijskogo mogil'nika. Arheologiya na novostrojках Severnogo Kavkaza]*. Grozny, 1991. p. 50–54.

10. Vinogradov VB, Narozhny EI. Burials of the Keli burial ground. *Archaeological and ethnographic studies of the North Caucasus [Pogrebeniya Kelijskogo mogil'nika. Arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya Severnogo Kavkaza]*. Krasnodar, 1994. p. 68–91.

11. Narozhny VE, Narozhny EI. Burial No. 84 of the Keli burial ground (Mountain Ingushetia) [*Zahoronenie № 84 Kelijskogo mogil'nika (Vysokogornaya Ingushetiya)*]. *Vestnik Arheologicheskogo centra im. E.I. Krupnova*. Bulletin of the Krupnov Archaeological Center. Nazran. 2012, 4: 182–196.

12. Narozhny VE, Narozhny E.I. Random finds from the destroyed part of the Keli burial

19. Нарожный В.Е. Население Горно-Ассинской котловины в XIII–XV веках. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Владикавказ, 2014. - 27 с.

20. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Горная зона Восточного Придарья и золотоордынские владения (К изучению динамики взаимоотношений) // Донские древности. Вып. 10: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября–3 октября 2008 г.). Азов, 2009. С. 373–382.

21. Мамаев Р.Х. Средневековые сабли из Майртупа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №3 (20). Грозный, 2013. С. 74–84.

22. Мамаев Р.Х., Кочкаров У.Ю. О саблях Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 2020. С. 383–385.

23. Голубев Л.Э., Сазонов А.А. Погребение воина-кочевника из Прикубанья // Российская археология. 2008. №4. С. 130–133.

24. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В. Горькобалковский могильник №2 VIII–IX вв. (публикация материалов) // МИА Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир: АГПИ, 2003. С. 116–151.

25. Евглевский А.В. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы второй пол. IX–XIV вв.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2002. С. 291–336.

26. Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 37–66.

27. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир, 2005. – 210 с.

28. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа, 2015. – 208 с.

ground. [*Sluchajnye nahodki iz razrushennoj chasti Kelijskogo mogil'nika. Vestnik Arheologicheskogo centra*]. Bulletin of the Krupnov Archaeological Center. Nazran. 2015, 5: 169–176.

13. Narozhny VE, Narozhny EI, Chakhkiev DYu. Burial No. 15 of the Keli burial ground (Mountainous Ingushetia). [*Pogrebenie №15 Kelijskogo mogil'nika (Gornaya Ingushetiya). MIA Severnogo Kavkaza*]. Materials of history and archaeology of the North Caucasus. Armavir. 2005, 5: 291–304.

14. Savenko SN. The burial of the XIII-XIV centuries with the iron cross in the mountainous Ingushetia: issues of interpretation. *Cultural history of the peoples of the North Caucasus [Pogrebenie XIII-XIV vv. s zheleznyim krestom v gornoj Ingushetii: voprosy interpretacii. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza]*. Stavropol, 2017. p. 104–117.

15. Muzhukhоеv MB. Objects of traditional material culture of medieval Keli burial ground in the Mountainous Ingushetia. *Traditional material culture of the Chechen-Ingushetia [Predmety tradicionnoj material'noj kul'tury iz srednevekovoj Kij'skogo (Kelijskogo) mogil'nika v Gornoj Ingushetii. Tradicionnaya material'naya kul'tura Checheno-Ingushetii]*. Grozny: Checheno–Ingush book publ., 1989. p. 6–15.

16. Muzhukhоеv MB, Narozhny EI, Chakhkiev DYu. Military burial No. 33 of the Keli burial ground (Mountainous Ingushetia). *Archaeology of the Eurasian steppes. 5: Military archaeology: ancient and medieval weapons Eurasia [Voinskoe pogrebenie №33 Kelijskogo mogil'nika (gornaya Ingushetiya). Arheologiya evrazijskih stepej №5: Voennaya arheologiya: drevnee i srednevekovoe vooruzhenie Evrazii]*. Kazan, 2017. p. 177–185.

17. Narozhny EI. Eastern and Western innovations of the Golden Horde epoch among the population of the Upper and Middle Priterechye (Archaeological and historical research) [*Vostochnye i zapadnye innovacii zolotoordynskoj epohi u naseleniya Verhnego i Srednego Priterech'ya (Arheologo-istoricheskoe issledovanie)*]. Abstract of dis. No. 07.00.06. Archeology; Voronezh, 1998.

18. Salnikov AV. The evolution of the weapons of the North Caucasian warrior of the XIII-XV centuries under the influence of Central Asian and European military affairs [*Evolucija vooruzheniya severokavkazskogo voina*

29. Чахкиев Д.Ю. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 15–27.

30. Бараниченко Н.Н. Паметский могильник в горной Ингушетии // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1983.

31. Алмазов И.Г., Дзариева З.М., Чахкиев Д.Ю. Новые материалы о культовых памятниках позднего средневековья горной Чечни и Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 28–45.

32. Крупнов Е.И., Марковин В.И. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 217–242.

33. Шаманаев А.М. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсоне по материалам раскопок Портового квартала 2 // Античная древность и средние века. Свердловск, 1997. Вып. 28. С. 49–66.

34. Душенко А.А. Косторезное дело Мангупа. Дисс. ... к.и.н. 07.00.06 – археология. Симферополь, 2016. – 308 с.

35. Bakradze I. The Wavel type helmet in the Tsageri History Museum // Varlam Makharoblidze Tsageri History Museum. Tsageri Municipality. Т.1. Tbilisi, 2014. S. 133–150 (на груз. яз., резюме на англ. яз.).

36. Tsurtsunia M. The Helmet from the Wavel Royal Castle Museum and its Place in the Evolution of Oriental Helmet // Acta Militaria Mediaevalia. № VII. Kraków-Rzeszów- Sanok, 2011. S. 79–103.

37. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. О некоторых видах вооружения XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии // Магас: древний и современный. Материалы международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2021. С. 51–63.

XIII–XV vekov pod vliyaniem central'noaziatskogo i evropejskogo voennogo dela]. Abstract of dis. No. 07.00.02. Russian history; 07.00.06. Archeology; Stavropol, 2008.

19. Narozhny VE. The population of the Gorno-Assinskaya basin in the XIII–XV centuries [Naselenie Gorno-Assinskoj kotloviny v XIII–XV vekah]. Abstract of dis. Vladikavkaz, 2014.

20. Narozhny VE, Narozhny EI. The mountain zone of the Eastern Pridaryalya and the Golden Horde dominions (to the study the dynamics of relationships). *Don antiquities-Issue 10: Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Proceedings of the IV International Conference dedicated to the memory of Prof. of MSU G. A. Fedorova-Davydova (September 30–October 3, 2008)* [Gornaya zona Vostochnogo Pridar'yal'ya i zolotoordynskie vladeniya (K izucheniyu dinamiki vzaimootnoshenij). *Donskie drevnosti – Vyp. 10: Dialog gorodskoj i stepnoj kul'tur na evrazijskom prostranstve. Materialy IV mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati prof. MGU G.A. Fedorova-Davydova (30 sentyabrya–3 oktyabrya 2008 g.)*]. Azov, 2009. p. 373–382.

21. Mamaev RKh. Medieval sabers from Mairtup [Srednevekoveye sabli iz Majrtupa. *Vestnik Akademii Nauk Chechenskoj Respubliki*]. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. Grozny. 2013, 3(20): 74–84.

22. Mamaev RKh, Kochkarov UYu. On sabers from Keli burial ground (Mountainous Ingushetia). *Archaeological heritage of the Caucasus: actual problems of study and conservation. XXXI “Krupnovsky readings”. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Krupnovsky readings and the 50th anniversary of the Derbent archaeological expedition* [O sablyah Kelijskogo mogil'nika (Gornaya Ingushetiya). *Arheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sohraneniya. XXXI «Krupnovskie chteniya»*. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu Krupnovskih chtenij i 50-letiyu Derbentskoj arheologicheskoy ekspedicii*]. Makhachkala, 2020: 383–385.

23. Golubev LE, Sazonov AA. Burial of a nomad warrior from Prikuban. [Pogrebenie voina-kochevnika iz Prikuban'ya. *Rossijskaya arheologiya*]. *Russian Archeology*. 2008, 4: 130–133.

Статья поступила в редакцию 22.09.2021 г.

24. Vinogradov VB, Narozhny EI, Sokov PV. *Gorkobalkovsky burial ground No. 2 of the VIII-IX centuries* (publication of materials) [*Gor'kobalkovskij mogil'nik №2 VIII-IX vv. [1]. (publikaciya materialov). MIA Severnogo Kavkaza*]. *Materials and researches about archeology of the North Caucasus*. Armavir: AGPI. 2003, 1: 116–151.

25. Evglevskiy AV. Semiotic aspects of the swords in the funeral rituals (on materials of the nomads of Eastern Europe of the second half of the IX-XIV centuries). *Structural-semiotic studies in archaeology* [*Semioticheskie aspekty funkcionirovaniya sabli v pogrebal'nom oboyade (po materialam kochevnikov Vostochnoj Evropy 2- pol. IX-XIV vv.)*]. *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii*]. Donetsk, 2002. p. 291–336.

26. Dautov RA, Mamaev KhM, Chakhkiev DYu. Bow and arrows of the late medieval Vainakh. *New archaeological materials on the medieval history of Chechnya-Ingushetia* [*Luk i strely u pozdnesrednevekovyh vajnahov. Novye arheologicheskie materialy po srednevekovej istorii Checheno-Ingushetii*]. Grozny, 1983. p. 37–66.

27. Narozhny EI. *Medieval nomads of the North Caucasus (Some debatable problems of ethno-cultural interaction of the Golden Horde era)*. [*Srednevekoveye kochevniki Severnogo Kavkaza (Nekotorye diskussionnye problemy etnokul'turnogo vzaimovozdeystviya epohi Zolotoj Ordy)*]. Armavir, 2005.

28. Ivanov VA. *Nomads of the Golden Horde: history, culture, religion* [*Kochevniki Zolotoj Ordy: istoriya, kul'tura, religiya*]. Ufa, 2015.

29. Chakhkiev DYu. New military burials of the Golden Horde time of the Pametsky burial ground of mountainous Ingushetia. *New in archaeology and ethnography of Ingushetia* [*Novye voinskie zahoroneniya zolotoordynskogo vremeni Pametskogo mogil'nika gornoj Ingushetii. Novoe v arheologii i etnografii Ingushetii*]. Nalchik, 1998. p. 15–27.

30. Baranichenko NN. Pametsky burial in the mountain Ingushetia. *New archaeological materials on the medieval history of Chechnya-Ingushetia* [*Pametskij mogil'nik v gornoj Ingushetii. Novye arheologicheskie materialy po srednevekovej istorii Checheno-Ingushetii*]. Grozny: Checheno-Ingush book publ., 1983.

31. Almazov IG, Jarawa ZM, Chahkiev DYu. *New materials on the cult monuments of the late*

middle ages mountainous Chechnya and Ingushetia. *New in archaeology and Ethnography of Ingushetia* [Novye materialy o kul'tovyh pamyatnikah pozdnego srednevekov'ya gornoj Chechni i Ingushetii. *Novoe v arheologii i etnografii Ingushetii*]. Nalchik, 1998. p. 28–45.

32. Krupnov EI, Markovin VI. Bamutski burial mound of the XIV-XVI centuries. *Ancient Checheno-Ingushetia* [Bamutskij kurgannyj mogil'nik XIV-XVI vv. *Drevnosti Checheno-Ingushetii*]. Moscow, 1963. p. 217–242.

33. Shamanaev AM. Technology of bone and horn processing in medieval Kherson based on the materials of excavations of the port district 2 [Tekhnologiya obrabotki kosti i roga v srednevekovom Hersone po materialam raskopok Portovogo kvartala 2. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*]. *Ancient antiquity and the Middle Ages-Sverdlovsk*. Sverdlovsk. 1997, 28: 49–66.

34. Dushenko AA. Bone-cutting craftsmanship of Mangup [Kostoreznoe delo Mangupa]. Abstract of dis. No. 07.00.06; Archeology. Simferopol, 2016.

35. Bakradze I. The Wavel type helmet in the Tsageri History Museum. *Varlam Makharoblidze Tsageri History Museum. Tsageri Municipality*. Vol 1. Tbilisi, 2014. p. 133-150 (in Georgian, abstract in Eng.).

36. Tsurtsumia M. The Helmet from the Wavel Royal Castle Museum and its Place in the Evolution of Oriental Helmet. *Acta Militaria Mediaevalia*. Kraków-Rzeszów: Sanok. 2011, 7: 79–103 (In Eng.).

37. Narozhny VE, Narozhny EI. On some types of weapons of the XIII-XIV centuries from high-mountainous Ingushetia. *Magas: ancient and modern. Proceedings of the international scientific and practical conference* [O nekotoryh vidah vooruzheniya XIII-XIV vv. iz vysokogornoj Ingushetii. *Magas: drevnij i sovremennyj. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*]. Rostov-on-Don, 2021. p. 51–63.